

Когда слухи расползлись по всей префектуре Нанькан, первой реакцией чиновников и простых людей было чистое недоумение. Неужели в уезде Шаоюань распахали новые пустоши? Но даже если так, это бессмыслица! Кому, как не им, знать, каков урожай с целинных земель в первый год?!

Неужто и впрямь использовали те новые удобрения?

Да быть того не может! Правда это или вымысел?

У Цзян Умяня совершенно не оставалось времени на то, чтобы разбираться с праздными толками. Поручив советнику Чжану следить за слухами, он самолично отправился к городским воротам встречать достопочтенного учителя.

Едва до Се Яньхана дошли вести из Шаоюаня, как он, позабыв о чинном спокойствии, поспешил в уездную управу.

Всегда мягкий и рассудительный, на сей раз Се Яньхан шел стремительным, размашистым шагом.

— Где зерно? — не дожидаясь приветствий, спросил он. — Сгрузили в резервные амбары?

Поскольку уезд Шаоюань временно освободили от уплаты налогов, зерно не требовалось отправлять в государственные закрома. Резервные склады пополнялись иначе: управа выкупала излишки у крестьян на собственные средства, создавая неприкосновенный запас на случай засухи, наводнения или иной беды.

Цзян Умянь поспешил за учителем, стараясь не отставать.

— Всё так, учитель, зерно в резервных амбарах. Прошу сюда. Самые высокие показатели дали опытные поля управы. Подробные отчеты еще на доработке, но если вкратце, весь процесс сводится к трем главным составляющим: подготовка почвы и внесение основных удобрений, своевременная подкормка с регулированием полива и борьба с вредителями.

Резервные закрома еще не ломились от изобилия, но за последние семь лет они определенно никогда не были так полны.

Внутри амбара густо пахло сухой соломой, спелым зерном и нагретым солнцем деревом. Когда тяжелые засовы отодвинули, взорам предстали горы золотистого, еще не обмолоченного риса.

— За последний год уезд заметно расширил пахотные земли. Окраины, заброшенные во время недавних мятежей и смут, снова распахали и засеяли, — Цзян Умянь провел Се Яньхана в глубь склада и указал на плотные холщовые мешки. — Вот это — урожай с целинных участков. А здесь собраны первые подсчеты.

Он протянул учителю лист бумаги с предварительной сводкой. Там были указаны лишь общие объемы и средние показатели, без детальной разбивки по каждому отдельному полю.

Обычный бумажный листок казался Се Яньхану невероятно тяжелым. В этих сухих цифрах крылась судьба тысяч семей, их жизнь и избавление от голода, поэтому относиться к ним легкомысленно было нельзя.

Прошло немало времени, прежде чем он оторвал взгляд от отчета и передал бумагу сопровождавшим его соправителю и судье. Те в полном ошеломлении переводили взгляд с исписанного листа на высыхающие перед ними мешки.

«Святая Матушка! Этот уездный судья Цзян словно бы из воздуха сотворил горы риса!»

О подобном плодородии прежде приходилось слышать лишь из рассказов о благодатных землях Суху и Суханя. Могли ли они помыслить, что дождутся такого чуда на своих скудных почвах?

В области Линнань действительно круглый год стояло тепло, позволявшее собирать по два урожая, однако здешняя земля никогда не радовала обилием — рис рос неохотно, колосья оставались полупустыми.

В Шаоюане же крестьяне под чутким руководством управы подошли к делу иначе. Сначала тщательно отобрали семена для проращивания, отсеивая пустые и подгнившие зерна, чтобы не переводить зря силы и время.

Когда сеянцы дали дружные всходы, настало время высаживать их в грунт. Уровень воды на заливных полях выверяли до пальца: если залить слишком глубоко — ростки захлебнутся и сгниют, если оставить сухими — не дадут сочных стеблей.

Как только молодые побеги пошли в рост, пришел черед удобрений. На некоторых участках в воду запустили рыбу, которая уничтожала вредителей и давала естественную подкормку; там же, где рыбы не было, крестьянам приходилось с утра до вечера спину гнуть, выдергивая сорняки вручную.

При первых признаках болезней или нашествия насекомых на поля выходили целыми семьями — от мала до велика. Не обращая внимания на тучи кусачей мошкары и впивающихся в лодыжки пиявок, люди терпеливо собирали вредителей.

В пору кущения и созревания зерна за поливом следили еще строже: вовремя пускали свежую воду, а порой, напротив, полностью осушали чеки, давая корням прогреться под солнцем.

Погода в Шаоюане капризна и полна бурь. Нередко крестьянам приходилось, натянув соломенные шляпы и накинув плащи-сои, под проливным дождем и порывами шквального ветра расчищать сточные канавы от ила, спасая нежные посевы от затопления.

Но даже когда колосья наконец налились золотом, расслабляться не следовало. Урожай требовалось убрать до начала осенней непогоды, иначе намокшее зерно проросло бы прямо в метелках. Просушка тоже требовала неусыпного внимания: малейшая сырость — и в зерне заведутся долгоносики. Просушивать приходилось до звона.

И при всех этих нечеловеческих трудах урожая за полгода едва хватало, чтобы прокормить семью из четырех человек до следующей жатвы, да отложить ничтожную малость на черный день.

Осмотрев закрома, Се Яньхан самолично отправился на те поля, где жатва еще продолжалась. Он внимательно следил за взвешиванием снопов и засыпкой зерна, желая лично удостовериться, что в подсчетах нет ни капли лукавства.

— Отлично! — воскликнул он, довольный увиденным. — Немедленно составьте официальное донесение. Префектура сразу же переправит его в столицу, к императорскому двору. О цементе напишите в том же докладе, но непременно укажите все его недостатки.

Раздавая указания, Се Яньхан уже мысленно набрасывал список столичных сановников. Кому первому поведать об успехе? Кого подготовить заранее? Ошибиться в этой расстановке сил было нельзя.

Срочные бумаги ушли из Шаоюаня незамедлительно. Когда гонец доставил их во дворец, над столицей давно раскинулась ночь, однако император Цзяньюань всё еще неутомимо трудился, разбирая ворохи донесений и прошений со всех концов Поднебесной.

На широком письменном столе государя бумаги были разложены на четыре аккуратные стопки: вежливые приветственные доклады с пожеланиями здоровья, отчеты о ревизиях, сводки о благонадежности чиновников на местах и записки по важным государственным вопросам, подготовленные для завтрашнего утреннего совета.

Ознакомившись со сводками ревизоров, император отобрал два свитка и переложил их в стопку дел, подлежащих обсуждению на завтрашней аудиенции.

Затем он принялся за очередное местное донесение. Взглянув на толщину присланных свитков, император невольно изумился — стопка бумаг превосходила высотой всё «Четверокнижие».

Что за чрезвычайное происшествие стряслось на окраине государства?

«Префектура Нанькан... Средний урожай — три даня с му, наивысший... почти шесть даней?»

Глаза правителя округлились. Он даже моргнул, решив, что зрение подвело его от усталости и он принял иероглиф «один» за «шесть».

«... И всё благодаря новому удобрению. На лучших угодьях уезда Шаоюань с одного му удалось собрать без малого шесть даней риса. Даже на самых скудных делянках сбор составил не меньше даня. В первый же год распашки целины, благодаря разумному и своевременному внесению удобрений, урожайность превысила один дань с му».

Уезд Шаоюань префектуры Нанькан... Название этого богом забытого места показалось императору слишком знакомым, чтобы списать всё на случайность.

Да и как тут забыть? Совсем недавно местный уездный судья Цзян преподнес престолу бесценный рецепт «Лунной изморози», выхлопотав взамен перевод своего наставника в Линнань. Император Цзяньюань самолично утвердил тот указ, так что подробности дела еще свежи были в его памяти.

— Эй, кто-нибудь! — позвал он. — Живо несите сюда архивные записи по префектуре Нанькан.

Нанькан? Та самая провинция, куда отправился Се Яньхан?

Управляющий Ци украдкой глянул на государя. Не заметив на лице владыки гнева, он бесшумно поклонился и поспешил исполнить приказ лично.

Ему пришлось добрую четверть часа перебирать покрытые пылью полки в хранилище, прежде чем нужная папка была найдена. Иероглифы на обложке успели поблекнуть от времени, однако сами листы внутри оставались на удивление чистыми — видать, архив годами никто не открывал.

В записях хранились сведения обо всех уездах, подчиненных Нанькану, но страницы, посвященные Шаоюаню, обрывались на годе повторного назначения прежнего уездного судьи. Всё, что происходило там позже, оставалось белым пятном.

Власти императора над далекими окраинами всегда недоставало твердости. В последние годы тамошние чиновники и вовсе забросили службу, не утруждая себя отправкой регулярных донесений в столицу.

Цзян Умянь слал доклады исправно, да только расстояние между столицей и его уездом было столь велико, что любой гонец проводил в пути недели. Пока императорский указ добирался до места назначения, надобность в нем, как правило, давно отпадала.

Впрочем, сейчас было не время сетовать на упущения. Внимание императора целиком поглотило таинственное «удобрение». Что за чудодейственный состав способен превратить бесплодные, каменистые пустоши Шаоюаня в тучные нивы, дающие по три даня с му?

Быстро пролистав страницы, император наткнулся в самом конце доклада на приписку: «К донесению прилагается отчет об испытаниях на рисовых полях уезда Шаоюань».

Слог доклада показался ему на редкость непривычным — точно таким же языком была написана и бумага с рецептом «Лунной изморози».

Тут не требовалось долго гадать: старый лис Се Яньхан никогда бы не стал изъясняться столь сухо и прямолинейно. Сию бумагу определенно составлял его ученик, Цзян Умянь.

Развернув приложение, император нахмурился еще сильнее. Вид этого так называемого «отчета» изумлял своей новизной.

За долгие годы правления государь навидался бесчисленных донесений, переполненных витиеватым славословием и преувеличением собственных заслуг. Однако здесь не было ни единого лишнего слова. Вместо этого перед его глазами предстали стройные таблицы, чертежи и точные вычисления, описывающие свойства нового удобрения, правила его внесения, ограничения в использовании и достигнутые результаты.

Подобная точность наглядно доказывала усердие автора. Не вникни уездный судья самолично в каждую мелочь крестьянского труда, он никогда бы не сумел собрать столь подробные и выверенные сведения.

И всё же весть о том, что бесплодные земли начали приносить по три даня с му, казалась слишком невероятной. Императору требовалось подтвердить эти данные со всей возможной строгостью.

«... В подтверждение вышеизложенного приводим три примера: первый — сбор раннего риса с целинных земель при надлежащем внесении удобрений; второй — сбор с давно обрабатываемых полей при надлежащем удобрении; третий — сбор с давно обрабатываемых полей при несоблюдении правил ухода и подкормки».

Император Цзяньюань вчитался в описание каждого случая. Все они были изложены с предельной ясностью.

Упомянутая целина представляла собой пять му пустоши, расчищенной силами уездной управы Шаоюаня. Назвать эту землю «пашней» язык бы не повернулся: наполовину каменистая россыпь, наполовину заросший жестким бурьяном пустырь. И всё же Цзян Умянь упрямо велел распахать эти камни и засеять рисом.

Сначала истощенную почву обогатили зелеными удобрениями, затем заложили питательную основу, а после высадки рассады регулярно проводили подкормку. Лишь благодаря неусыпной заботе удалось собрать первый урожай.

И на этих бесплодных камнях худший показатель составил сорок пять цзиней, а лучший — девяносто три цзиня с одного му! Почти целый дань!

Прежде даже давно возделываемые, ухоженные поля низшего качества не приносили столько зерна, сколько дала каменистая целина в первый же год упорного труда!

Результаты же на старых пашнях при точном соблюдении правил и вовсе заставляли сердце биться чаще. Наивысший урожай там достиг шести даней, а самый скромный — двух!

В отчете пояснялось: эти земли возделывались из поколения в поколение и сами по себе обладали изрядным плодородием. Когда же крестьяне применили новые методы под руководством специалистов из управы, а также вовремя защитили посевы от вредителей и паводков, земля отплатила невиданной щедростью — шестью данями с одного му!

Третий пример описывал обычный, самый будничный исход, когда в работе допускались ошибки.

Кое-где из-за неправильного внесения удобрений нежные ростки попросту сгорели. В период кущения налетевшие бури повалили часть стеблей, принесли новые убытки, а из-за лени или недосмотра вредители успели подточить колосья.

Но даже при таком небрежном уходе и потерях итоговый сбор составил немногим более трех даней с му.

Сам отчет был краток и содержал лишь сухие выжимки о состоянии Шаоюаня. Более подробные описания всех событий и перемен содержались в основном донесении префекта Нанькана.

Уняв волнение, император отыскал среди присланных бумаг свиток, написанный рукой префекта. Свиток начинался с положенного по уставу приветствия: «Ваш верный слуга желает Его Величеству здравия».

Сомнений не оставалось: перед ним был каллиграфический почерк Се Яньхана. Рассматривая изящные штрихи, император мысленно усмехнулся. Из четырех учеников этого семейства ни один не перенял манеру письма учителя, и всё же Се Яньхан определенно умел наставлять умы.

Его слог разительно отличался от сухих, лаконичных отчетов Цзян Умья. Се Яньхан изъяснялся свободно и живо, его повествование увлекало не хуже рыночной повести, оставляя в душе глубокий след.

— Надо же, слухи докатились даже до области Цзяннань, — негромко проговорил государь.

При таком размахе утаить обман было бы невозможно. Значит, написанное в докладах — чистая правда.

В донесении префекта подробно описывалось не только чудесное удобрение. На последующих страницах перед взором императора разворачивалась картина разительных перемен, произошедших в Шаоюане всего за год с небольшим.

Уездный город разросся, выплеснувшись за прежние границы. Улицы нового посада протянулись ровными линиями, вдоль которых выстроились прочные дома из красного кирпича, покрытые гладким слоем цемента. Благодаря этому убогие лачуги уступили место надежным строениям, и случаи, когда рухнувшая кровля калечила жильцов, сошли на нет.

Возводя новые кварталы, молодой уездный судья не забыл и о дорогах. По его приказу тракты и проселки по всему уезду были выровнены и укреплены. Теперь в ненастные дни путникам не приходилось вязнуть в непролазной грязи, а жителям отдаленных деревень и горных селений стало куда проще добираться до городских рынков.

В завершение доклада Се Яньхан мимоходом упомянул, что в Шаоюане полным ходом идет строительство новой пристани и верфи, так что уже в следующем году речная гавань уезда наполнится сотнями торговых судов.

От обилия новостей у императора Цзяньюаня кружилась голова. Он не знал, за что хвататься в первую очередь. Перевернув последний лист донесения, он наткнулся на приписку: «К сему докладу прилагается малый мешочек с необмолоченным зерном нового урожая. Прошу Ваше Величество сохранить его для опытного посева согласно указаниям в отчете».

Император невольно рассмеялся, покачав головой.

Именно в такие минуты становилось ясно: Се Яньхан и Цзян Умянь — истинные учитель и ученик. Оба питали необъяснимую слабость к отправке вещественных доказательств вместе с официальными бумагами!

Эта забавная мысль помогла императору вернуть хладнокровие. Его взгляд вновь стал жестким и сосредоточенным.

— Отправьте Парчовых стражей в Шаоюань, пусть тайно разузнают всё до мельчайших подробностей, — распорядился он. — И немедленно вызовите генерала Сюэ в столицу для доклада!

Генерал Сюэ Вэнь больше года занимался обустройством Гарнизона Нанькан и наверняка воочию наблюдал за всеми переменами в уезде. Его свидетельства в сочетании с тайным расследованием Парчовых стражей позволят быстро докопаться до истины.

Будучи государем, основавшим династию, император Цзяньюань слишком хорошо понимал, какую ценность имеет продовольствие для устойчивости престола. И чем заманчивее казались обещания, тем строже следовало их проверять.

Даже если отбросить идеальные условия и взять за основу худший пример — три даня с одного му при небрежном уходе, — сколько дополнительных закромов сумеет наполнить Великая Чжоу? Сколько голодных ртов удастся накормить?

От одного лишь беглого подсчета у правителя захватывало дух.

Император еще раз перелистнул бумаги, проверяя, не упустил ли он какую-нибудь деталь, после чего повернулся к ожидавшему у дверей управляющему.

— Ци Нянь, где тот мешочек с рисом, что прибыл вместе с бумагами из Нанькана?

<http://bllate.org/book/19045/2005033>